
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

ТЭМАТЫЧНЫ РАЗДЗЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 75-летию освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков

Да 75-годдзя вызвалення Беларусі
ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў

To the 75th anniversary of the liberation
of Belarus from the Nazi invaders

УДК 2(23)(254.1)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1944)

С. В. СИЛОВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

На основе документов различных архивов исследуются малоизвестные страницы истории православной церкви в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Выявлены основные направления деятельности православного духовенства во время нацистской оккупации, ранее не представлявшие интереса для отечественной исторической науки. Отражена роль отдельных священников в нормализации и развитии приходской жизни, а также в спасении прихожан.

Образец цитирования:

Силова СВ. К вопросу о деятельности православного приходского духовенства Беларуси в годы нацистской оккупации (1941–1944). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;3:6–14. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-6-14>.

For citation:

Silova SV. The role of activity of Orthodox parish clergy in Belarus during the Nazi occupation (1941–1944). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2019;3:6–14. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-3-6-14>.

Автор:

Светлана Владимировна Силова – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой современных технологий довузовского образования факультета довузовской подготовки, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Svetlana V. Silova, PhD (history), docent; head of the department of pre-university education technologies, faculty of pre-university training, and associate professor at the department of history of Belarus, archeology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism. ssilova@tut.by

На примерах показаны формы взаимодействия православного клира с партизанским и подпольным движением, рассмотрены проблемы взаимоотношений с представителями оккупационной власти и коллаборационистами.

Ключевые слова: Беларусь; оккупация; православное духовенство; приходская жизнь; партизанское движение; Великая Отечественная война.

ДА ПЫТАННЯ АБ ДЗЕЙНАСЦІ ПРАВАСЛАЎНАГА ПРЫХОДСКАГА ДУХАВЕНСТВА БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ НАЦЫСЦКАЙ АКУПАЦЫІ (1941–1944)

С. У. СІЛАВА^{1*}

^{1*} Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

На аснове дакументаў розных архіваў даследуюцца малавядомыя старонкі гісторыі праваслаўнай царквы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Выяўлены асноўныя напрамкі дзейнасці праваслаўнага духавенства падчас нацысцкай акупацыі, якія раней не ўяўлялі цікавасці для айчыннай гістарычнай навукі. Адлюстравана роля асобных святароў у нармалізацыі і развіцці прыходскага жыцця, а таксама ў выратаванні вернікаў. На прыкладах паказаны формы ўзаемадзеяння праваслаўнага кліру з партызанскім і падпольным рухам, разгледжаны праблемы ўзаемаадносін з прадстаўнікамі акупацыйнай улады і калабарацыяністамі.

Ключавыя словы: Беларусь; акупацыя; праваслаўнае духавенства; прыходскае жыццё; партызанскі рух; Вялікая Айчынная вайна.

THE ROLE OF ACTIVITY OF ORTHODOX PARISH CLERGY IN BELARUS DURING THE NAZI OCCUPATION (1941–1944)

S. V. SILOVA^a

^a Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

On the basis of documents from various archives, little-known pages of the history of the Orthodox Church in Belarus during the Great Patriotic War are being investigated. The main directions of activity of the Orthodox clergy during the years of the Nazi occupation, previously not of interest to the national historical science, are revealed. The author reflects the role of individual priests in the normalization and development of parish life and the salvation of parishioners. The examples show the forms of interaction of the Orthodox clergy with partisan and underground movements, the problems of relations with representatives of the occupying power and collaboration.

Keywords: Belarus; occupation; Orthodox clergy; parish life; guerrilla movement; Great Patriotic War.

История православной церкви в советском обществе – это история трагедий и героизма, переплетение сложных и противоречивых процессов, периодов уничтожения и возрождения церковных организаций. До сих пор и приходская жизнь, и деятельность православных приходских священников в годы Великой Отечественной войны остаются одной из самых малоизученных страниц истории Беларуси XX в. В конце XX – начале XXI в. в отечественной и зарубежной историографии появились исследования по истории православной церкви 1920–60-х гг., в которых авторы анализируют отдельные аспекты ее положения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Однако исследователи не делали отдельным предметом изучения приходское духовенство и приходскую жизнь в период нацистской оккупации Беларуси в 1941–1944 гг. И это, на наш взгляд, объясняется малочис-

ленностью источников либо их недоступностью для широкого круга исследователей. Цель, которую ставит перед собой автор данной статьи, – на основе введения в научный оборот ранее неизвестных источников проанализировать некоторые направления деятельности православного приходского духовенства, выявить особенности их служения во время нацистской оккупации Беларуси в 1941–1944 гг.

Особенность изучения и анализа деятельности церковных структур и организаций состоит в том, что при проведении исследования необходимо применять междисциплинарный подход, в котором ведущую роль играет пастырское богословие. Без учета специфики богословской подготовки невозможно в полной мере охарактеризовать пастырское служение священников. Среди практических руководств для священнослужителей, позволяющих понять суть пастырского служения, следует указать

учебник П. И. Нечаева, в котором подробно подается теоретический и практический материал о сущности пастырской деятельности приходского духовенства, приводятся церковные уставы и праздники [1]. Этот учебник выдержал более десятка изданий и был востребован среди священнослужителей как практическое пособие и в годы нацистской оккупации. Священство, закончившее духовные семинарии до 1941 г., проходило курс практического руководства приходами по учебнику П. И. Нечаева. Те, кто был рукоположен во время оккупации, должны были сдать экзамен, в том числе и о сущности пастырского служения. Такая дисциплина предусматривалась программой действовавших в Минске, Гродно, Новогрудке курсов для кандидатов на священников (в терминологии того времени).

Начавшиеся Вторая мировая и Великая Отечественная войны, оккупация, партизанское и подпольное движение поставили перед православным клиром новые условия существования церковных структур и организаций. Советская историография при анализе деятельности Церкви исходила из принципов советской исторической науки и воинствующего атеизма, обвиняя церковные структуры в пособничестве оккупантам, замалчивая при этом помощь партизанам и подпольщикам, фронту.

Традиционные советские подходы, на наш взгляд, не обеспечивают всестороннего изучения пастырской деятельности и приходской жизни в оккупированной нацистами Беларуси. При анализе функционирования церковных общин необходимо применять не только богословский, но и антропологический, культурологический, цивилизационный и гуманитарный подходы, широко использовать нарративные источники. Применение современных методологических принципов и подходов позволяет не только проанализировать направления деятельности религиозных структур и организаций, но и вписать их в историческое пространство того времени.

Малоизученность темы связана с недостаточностью и недоступностью источников. Фонды Национального архива Республики Беларусь частично позволяют проанализировать политику оккупационных властей касательно Церкви, а также отношения церковных структур, прежде всего епископата, с гражданской администрацией и коллаборантами. Это часть документов фондов Генерального комиссариата Беларуси¹ и Белорусской народной самопомощи (БНС)². Однако они содержат единичные документы о самой приходской жизни и персональные данные лишь некоторых священнослужи-

телей. Это не позволяет в полной мере раскрыть все направления деятельности православного прихода, трудности его существования в годы оккупации и успешность реализации тех или иных направлений деятельности.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся периодические издания времен нацистской оккупации. Некоторые из них, прежде всего «Беларуская газета» (Минск, 1942–1944 гг.), в репортажах с мест размещали материал о приходской жизни. Так, в феврале 1944 г. вышла статья об освящении Козыревской церкви в Минске, которую отстроили на деньги прихожан на месте уничтоженного большевиками храма³. При анализе материалов периодики коллаборантов следует учитывать их крайнюю политизированность и антисоветскую направленность. Тем не менее эти публикации позволяют восстановить имена некоторых священнослужителей и проведение храмовых праздников.

Не сохранились до нашего времени церковные архивы. Архив Брестской консистории был захвачен партизанами в 1943 г. и позднее утерян. Большинство документов архива Гродненской епархии было вывезено архиепископом Венедиктом (Бобковским) в Германию, а оставшаяся часть была уничтожена после ареста секретаря Гродненского епархиального управления Евгения Котовича в 1944 г. Некоторые документы были уничтожены сразу, остальные – в 1948 г. «путем сожжения как не представляющие ценности»⁴. Исключением может служить архив Свято-Успенского Жировичского монастыря, где собраны документы отдельных церквей и благочиний периода нацистской оккупации. Однако большинство этих документов не обработаны и не каталогизированы. В архиве Гродненского епархиального управления также хранится необработанный массив документов по истории епархии. Обработка и введение в научный оборот данных источников позволят ликвидировать белые пятна в истории приходского духовенства периода нацистской оккупации Беларуси.

В фондах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по БССР и уполномоченных по областям в документации первых послевоенных лет встречается информация о православных священниках, которые в период оккупации служили на приходах, и о настроениях населения после освобождения БССР летом 1944 г.⁵

Достаточно информативным, но малодоступным источником по истории приходской жизни в оккупированной Беларуси являются следственные дела

¹Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 370.

²Там же. Ф. 371.

³Беларус. газ. 1944. 25 лют.

⁴Арх. упр. Ком. гос. безопасности по Гродн. обл. Следственное дело Евгения Котовича [необработанный массив документов].

⁵НАРБ. Ф. 951.

духовенства, арестованного в 1944–1951 гг. По неполным данным, в эти годы было репрессировано 148 священнослужителей [2; 3] из 556 [4, с. 30]. Все они обвинялись в антисоветской деятельности и сотрудничестве с оккупационным режимом и белорусскими националистами. В протоколах допросов священнослужители не только рассказывали о себе, но и подробно останавливались на периоде нацистской оккупации и своем пастырском служении.

Среди следственных дел выделяется дело архимандрита Серафима (Шахмута), арестованного в 1944 г. в Гродно. На допросах он развернуто отвечал на вопросы следователей. Его ответы позволяют достаточно детально восстановить, как проходила нормализация церковной жизни в Беларуси. В деле назван маршрут, подробно описаны все встречи и названы все священники, с которыми доводилось видеться архимандриту Серафиму и священнику Григорию Кударенко. При открытии храмов отец Серафим призывал священников принимать активное участие в церковно-созидательной жизни. Именно в этом деле приводится статистика открытых храмов и проведенных богослужений (около 100 служб)⁶.

В нем также содержится информация о священниках, которые в период оккупации служили в Минске: протоиерее Иосифе Балае, прибывшем из Глубокого, Николае Лапицком и Иоанне Кушнере, приехавших из Западной Беларуси, Иване Вруякине из Бобруйска, Константине Шашко, Иосифе Голубе. Показания архимандрита Серафима позволяют восстановить имена отдельных священников Восточной Беларуси, о которых практически ничего не было известно. К таким можно отнести гомельского протоиерея Николая Гейроха.

К сожалению, далеко не все имена приходских священников периода нацистской оккупации Беларуси известны отечественным историкам. Исследования в данном направлении, как правило, ведут современные священнослужители, которые пишут историю своих приходов. Среди них необходимо отметить преподавателя Минской духовной академии протоиерея Федора Кривоноса [5; 6] и витебского священника, кандидата богословия протоиерея Владимира Горидовца [7], которые в своих работах, посвященных репрессированным священникам, затрагивают в том числе и период нацистской оккупации.

В 2005 и 2014 гг. вышли воспоминания священника Евстафия Баслыка [8; 9], который в годы нацистской оккупации был настоятелем Благовещенского храма деревни Заберезье Воложинского благочиния. На сегодняшний момент это наиболее полные опубликованные воспоминания приходского священника, служение которого происходило на территории Беларуси в разные исторические периоды: когда

она входила в состав Второй Речи Посполитой, СССР, была под нацистской оккупацией. Автор достаточно подробно, но не всегда политкорректно описывает положение православного духовенства и реальные условия осуществления пастырской деятельности.

Практически уничтоженная в СССР к началу 1941 г. Русская православная церковь с первых дней войны заняла официальную позицию борьбы с нацистскими оккупантами. Об этом уже 22 июня 1941 г. заявил Местоблюститель Патриаршего престола Сергей (Старогородский). Однако быстрое продвижение армии вермахта и оккупация всей территории Беларуси к началу осени 1941 г. создали совершенно иные условия существования церковных структур и пастырского служения.

Возобновление приходской жизни на оккупированной нацистами территории Беларуси происходило неравномерно и имело свои особенности.

1. В Западной Беларуси церкви не закрывались и продолжали действовать вплоть до начала войны. На остальной территории БССР к этому времени православная церковь была уничтожена. Летом 1941 г. верующие стихийно стали открывать храмы. Это приняло массовый характер и вынудило оккупационные власти осенью 1941 г. заняться церковным вопросом. Деятельность православной церкви проходила под строгим контролем, под который попадали и приходские священники.

2. Необходимо было воссоздавать церковное управление на всех уровнях – начиная от центрального (митрополит и епископия), заканчивая низовыми (благочиния и приходы). Это заняло определенное время и в целом завершилось в марте 1942 г., когда были созданы шесть епархий, на которых назначались епископы. В мае 1943 г. была создана Гомельская епархия, что полностью завершило воссоздание церковной структуры в Беларуси. С лета 1941 г. по весну 1943 г. систематическое взаимодействие приходского духовенства с церковным руководством в ряде епархий было затруднено и осуществлялось через рассылку циркуляров.

3. При создании епархий и благочиний церковное руководство не учитывало административный раздел Беларуси оккупационными властями. Восточные районы были включены в тыл группы армий «Центр», южная часть и Брестчина отошли к рейхскомиссариату «Украина», Гродненщина вошла в состав Восточной Пруссии. В каждой из этих административных частей имелись свои особенности оккупационного режима, к которому приходское духовенство должно было приспособливаться.

4. Приходское духовенство не имело права свободного передвижения по территории Беларуси, на любой выезд за границы своего прихода требовалось разрешение оккупационных властей. Это делало

⁶Центр. арх. Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь. Следственное дело Шахмута Серафима Романовича и Кударенко Григория Лаврентьевича [необработанный массив документов].

невозможной тесную коммуникацию священства, например, при проведении соборных богослужений и храмовых праздников.

К лету 1941 г. число православных храмов в Беларуси не превышало 542, священников насчитывалось не более 600 человек, причем большинство из них было в Западной Беларуси [4, с. 5]. В приходах восточной части Беларуси не хватало священно- и церковнослужителей. Рукоположенные в священники без должной подготовки (без духовной семинарии или академии) должны были закончить курсы и выдержать экзамен. Кандидатов на священников находили разными путями. Так, в сентябре 1941 г. на имя мирского благочинного поступил рапорт от настоятеля Березовицкой церкви священника Константина Маевского. Еще до начала войны он подал прошение митрополиту Пантелеиму (Рожновскому) о переводе на «лучшее место» для священника. Вскоре К. Маевский получил назначение в одну из церквей Дисненского уезда с указанием самому позаботиться о паспорте, поскольку советские власти без него не принимают вновь назначенного священника. В получении паспорта К. Маевскому отказали, и он не смог занять новое место службы. Как сказано выше, осенью 1941 г. отец Константин делает еще одну попытку получить новое место через Епархиальный совет, который в то время находился в Жировичах, его прошение удовлетворили, и он был назначен на приход⁷.

Летом 1941 г. при Гродненском епархиальном управлении был создан миссионерский комитет. Его главная цель – отбор кандидатов для служения в той части Беларуси, которая была советской до 1939 г. Священнослужители, которые изъявляли желание, от имени архиепископа Венедикта (Бобковского) отсылались из Гродно к митрополиту Пантелеиму (Рожновскому) в Минск.

Необходимо отметить, что на территории Беларуси, присоединенной в 1939 г. к БССР, служили священники, рукоположенные еще в начале XX в. Это было очень редким явлением того времени, как и то, что эти священники служили на приходах. Самый старший – отец Дмитрий Гладков, который был рукоположен в 1900 г. В 1941 г. ему было 68 лет, он служил в д. Некраши Дятловского района. В 1900–1921 гг. были рукоположены Михаил Лавров, Юлиан Самкович, Юлиан Миллер, Владимир Верниковский, Сергей Голосов, Иван Комар, Владимир Емельянюк, Емельян Босько, Геннадий Гахович. В 1921–1939 гг. – Михаил Буткевич, Ефим Корнилович, Иннокентий Маевский, Иван Петельский, Михаил Скрипко, Матвей Яцкевич, Петр Иссар, Константин Клесов, Роман Лотоцкий, Константин Севбо, Василий Тернович, Иван Орлов, Никон Лешкевич,

Геннадий Моисеев и др. Всего в Гродненской епархии служило 55 священников, которые были рукоположены до 1939 г.

Это священство, которое имело опыт служения во времена Второй Речи Посполитой, когда условия существования православной церкви были неблагоприятными. Однако священники сохранили свой статус в обществе и имели большое влияние на верующих. Помогало им в этом и полученное образование. Так, из 55 священников 6 закончили полный курс Минской духовной семинарии, 9 – полный курс Виленской духовной семинарии, 1 – Витебскую духовную семинарию, 1 – Нижегородскую духовную семинарию, 11 – богословский факультет Варшавского университета⁸. Академическая подготовка включала в себя практическую подготовку к пастырскому служению, знание основ психологии и коммуникации. Священников учили, как необходимо организовывать приходскую жизнь, изучать и преподавать Закон Божий в средней школе.

Кроме того, на приходах были священники, являвшиеся капелланами в годы Первой мировой войны. Это священство было очень «неудобным» для оккупационной, а позже и для советской администрации. На них трудно было влиять и практически невозможно дискредитировать.

Всего с 1941 по 1945 г., по неполным данным, 213 человек были посвящены в сан иерея, в основном бывшие учителя (17), рабочие (16). Больше всего было крестьян-единоличников – 27 человек. Если в церкви долго не было священника, прихожане выбирали его из членов прихода [4, с. 12–13].

Несение пастырского служения в годы оккупации требовало «от священника особого напряжения духовных сил, а также глубоких богословских знаний»⁹.

Согласно Пастырскому правилу главное для приходского духовенства – служение Богу, а также сохранение и воспитание прихожан. Важным является и понимание Отечества. Отечество небесное – главное для верующего православного человека. Но следует понимать, что, согласно пастырскому богословию, земное Отечество неотделимо от Отечества небесного. И задача пастыря – любить земное Отечество и заботиться о нем, как и об Отечестве небесном. Прежде всего это выражается в сохранении своей паствы в сложные исторические периоды, духовная поддержка прихожан и практическая помощь в преодолении трудных жизненных и кризисных ситуаций, какими и был период нацистской оккупации Беларуси.

Нацисты разрешили существование Церкви под строгим контролем оккупационных властей и в жестко очерченных границах, которые подразу-

⁷Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 6.

⁸Гос. арх. Гродн. обл. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–23.

⁹Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 12.

мевали не объединение, а раскол и разобщенность. Уже сами эти условия противоречили сущности Церкви как сообщества православных верующих. От священства требовали признать оккупированную территорию Третим рейхом. В большинстве своем православный клир оккупированной Беларуси открыто не заявлял о том, что для него земное Отечество сейчас. На первом месте в его служении стояло спасение не только своих прихожан, но и всех, кто в этом нуждался и боялся обратиться к священнику. Свое отношение к изменившейся политической и государственной обстановке священнослужители определяли в проповедях.

С лета 1941 г. стала восстанавливаться церковная структура. Православное приходское духовенство было лишено права открыто говорить о своем подчинении Местоблюстителю Патриаршего престола Сергию (Старогородскому). Белорусский епископат, включая и митрополита Пантелеимона (Рожновского), согласился с требованиями нацистских оккупационных властей и официально заявил о разрыве с Москвой. В 1942 г. был проведен Всебелорусский церковный собор, на котором было заявлено об автокефалии Белорусской православной церкви и принят ее Устав. Один из его параграфов гласил, что автокефалию Белорусской православной церкви должны признать все автокефальные церкви. В условиях войны сделать это было практически невозможно. Но границы деятельности церковных организаций были обозначены достаточно жестко. Приходское духовенство не могло открыто заявлять о нежелании автокефалии, а также критиковать действия не только оккупационных властей, но и белорусского епископата. Специальным циркуляром до приходского духовенства было доведено, что по согласованию с гражданскими властями митрополита Пантелеимона следовало называть митрополитом Минским и всей Беларуси. Языком богослужения и изучения повседневных молитв был определен церковнославянский, и священники не должны были заменять его другим языком. При этом проповедь, метрические книги, канцелярия и преподавание Закона Божьего в школе должны были вестись на белорусском языке¹⁰.

В первые месяцы было принято решение о возобновлении ежемесячных взносов на содержание епархиальных управлений. Благочинным был разослан циркуляр, в котором предписывалось делать выплаты без задержек. Взносы можно было делать натурой или деньгами. Ответственность за сбор выплат нес благочинный. Он распределял свои прихо-

ды по категориям и назначал каждому из них определенную сумму ежемесячно. При этом учитывался курс советского рубля к немецкой марке и рыночные цены на продукты и промышленные товары. В 1941 г. ежемесячная сумма выплат с малочисленного прихода составляла 50 советских рублей, или 5 немецких марок, не считая канцелярии благочинного. Многочисленные приходы должны были вносить больше¹¹.

Поездки владык и хиротонии новых епископов в восточной Беларуси, а также организация митрополичьего управления в Минске требовали больших расходов, что вело к увеличению размера выплат с каждого прихода. К концу 1941 г. эти выплаты повысились до 30–50 немецких марок, и эта величина была неокончательной¹².

К 1 ноября 1941 г. все благочинные должны были предоставить в епархиальные управления (которые существовали на эту дату) клировую ведомость по каждому приходу¹³.

Летом 1942 г. всем священникам через благочинных было доведено решение о том, что, согласно резолюции Его Преосвященства, Преосвященнейшего Афанасия, епископа Витебского и Полоцкого, управляющего Новогрудской епархией, все духовенство «должно сдать по одному пуду жита с прихода на содержание митрополита и митрополитальных институтов»¹⁴. Кроме того, все, кто приезжал в монастыри, должны были привозить с собой хлеб или муку для монастырских пекарен¹⁵.

Осенью 1941 г. были проведены перевыборы всех благочинных, духовников и катехизаторов, депутатов от священников и мирян в епархиальные собрания, где должны обсуждаться текущие дела епархии.

В возрождении и нормализации приходской жизни большую роль играли благочинные. Именно они должны были заботиться о положении и нравственном престиже духовенства. По возможности и при всяком удобном случае благочинные должны были вести братские беседы со священниками о «необходимой внешней и внутренней дисциплине, чтобы и наружным видом, и нравственным достоинством молитвенности священники приобретали авторитет в пастве и уважение окружающих их людей»¹⁶.

Благочинный должен был объяснить, что «совершенное оголение лица (бритье) священников, ношение светской одежды, заискивающее поведение по отношению к сильным мира сего отталкивает верующих от пастыря и вызывает брезгливое отношение к нему»¹⁷. Митрополит Пантелеимон (Рожновский)

¹⁰Арх. Свято-Успен. Жирович. монастыря. Ф. Арх. Лидского благочиния. Л. 16.

¹¹Там же. Л. 14.

¹²Там же. Л. 15.

¹³Там же. Л. 17.

¹⁴Там же. Л. 12.

¹⁵Там же. Л. 11.

¹⁶Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 9.

¹⁷Там же. Л. 6.

писал, что «воин не стыдится своей форменной одежды, а даже гордится ею, трудящийся не пренебрегает своим рабочим костюмом, так и пастырь не должен стыдиться и бояться своего внешнего пастырского вида, и особенно среди своих пасомых, и не унижаться пред лицами, от которых зависит его личное земное благополучие. Пастырям следовало помнить, что священство – это не ремесло специально для куса хлеба, а добровольно взятый на себя апостольский труд. И если пастырь забывает об этом в заботах теперешней жизни, то он погибнет для вечной жизни. Не должен пастырь падать духом и отчаиваться, окруженный мирскими соблазнами, неверием, малодушием пасомых, тяжестью своей материальной жизни и духовного ослабления, памятуя непрестанно, что божественная благодать врачующая немощная, а недостающая восполняющая»¹⁸.

Благочинным следовало напоминать и учить приходских священников тому, как они внешне должны выглядеть в храме, поскольку являются примером для прихожан. В дни храмовых праздников все священники округа должны собираться для совместного богослужения и проповедования, а после него «за скромной братской трапезой обсуждать назревшие вопросы своей приходской жизни, за трапезой следует избегать спиртных напитков и легкомысленных разговоров»¹⁹. В условиях нацистской оккупации реализовать это практически часто было довольно проблематично: для выезда из прихода священнику необходимо было оформить пропуск, который выдавался по усмотрению властей.

На приходское духовенство вновь была возложена обязанность вести метрические книги. Записи рождений, браков и погребений предписывалось осуществлять самым тщательным образом. Если не было готовых бланков, священники могли вести метрические записи в обыкновенной тетради, «которую для экономии бумаги можно было и не разлинейвать по рубрикам, а писать все подряд»²⁰. В каждой метрике обязательно должно было указываться, кто совершал таинства и погребение, и при этом она должна была подписываться причтом церкви. В метриках о родившихся в графе «родители» требовалось указывать, венчаны они в церкви или только зарегистрированы в ЗАГСе: «...можно писать так: “венчаная” жена или “гражданская” жена, а если и в ЗАГСе записаны, записывать ребенка только на имя матери»²¹. Приходским священникам предписывалось составить метрические записи за 1939 и 1940 гг. там, где они отсут-

ствовали: «...сделать это нужно сейчас же (осенью 1941 г. – С. С.), не откладывая в долгий ящик»²². Метрики составлялись в двух экземплярах, один из них своевременно должен был передаваться в епархиальное управление.

В августе 1941 г. архиепископ Венедикт (Бобковский) издал циркуляр, который определял порядок назначения псаломщиков. Кандидат должен был знать Священное Писание Ветхого и Нового Завета, православное богослужение, катехизис, основные молитвы, а также уметь организовать церковный хор и руководить им. Кроме того, псаломщик в силу необходимости мог быть законоучителем в школе. К законоучительству следовало быть готовыми и священникам²³.

Приходские священники не могли не контактировать с представителями оккупационной власти. В июле 1941 г. солдаты одной из частей вермахта изнасиловали пять местных девушек в Грудово-Хожовском приходе. С протестом и требованием наказания преступников выступил священник Николай Гуринович²⁴.

В местечко Турец 5 июля 1941 г. немецкие войска привели с собой более 1000 советских пленных, здоровых и раненых. Оккупанты приказали старосте открыть церковь (за сопротивление – расстрел). До прибытия священника в храм загнали пленных. Настоятель протоиерей Иосиф Тумилович вместе с диаконом хотели забрать из церкви наиболее ценные вещи, но диакону было приказано принести подсвечники к иконостасу и икону с аналоем на клирос. Затем пленные поставили скамейки, создав тем самым заграждение. Через заграждение отец Иосиф прошел в алтарь, чтобы забрать антиминс, но смог вынести только Святые Дары. Немецкий командир заявил священнику, «что все будет сохранено, все будет в целостности, а кто попытается проникнуть через заграждение в алтарь, будет расстрелян»²⁵. Священника поставили в известность, что пленные пробудут в храме только одну ночь, после чего вывели его из церкви, не разрешив взять антиминс. При бомбардировке, которая началась позже, почти все стекла в церкви были разбиты, некоторые рамы были разломаны. В д. Синявская Слобода церковь сгорела со всем имуществом²⁶.

Взаимоотношения приходского духовенства с оккупационными властями остаются дискуссионными до сих пор. Православный клир открыто не выступал против оккупационных властей, поскольку открытый конфликт мог привести к физическому уничтоже-

¹⁸Арх. Гродн. епарх. упр. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 6.

¹⁹Там же.

²⁰Там же.

²¹Там же.

²²Там же. Л. 7.

²³Там же.

²⁴Там же. Следственное дело Гуриновича Николая. Л. 9.

²⁵Там же. Ф. 1. Циркуляры и распоряжения 1939–1945 гг. Л. 5.

²⁶Там же. Л. 7.

нию не только священника и его семьи, но и прихожан. Некоторые священнослужители (как, например, Николай Устинович, настоятель храма в д. Гончары Лидского района) знали немецкий язык и не раз ходатайствовали перед немецкими властями за арестованных жителей деревни независимо от того, являлись те прихожанами их храма или нет. Пользуясь тем, что оккупационные власти разрешали священникам выдавать справки о принадлежности к тому или иному православному приходу и эти справки воспринимались как своеобразные свидетельства лояльности к новым властям, приходское духовенство повсеместно выдавало их не только своим прихожанам, но и бывшим советским работникам. Известно, что такие справки выдавали священники Михаил Гапоник, Евстафий Балабушевич, Евстафий Баслык, Николай Гуринович [4, с. 44–45].

Одной из обязанностей приходского духовенства было совершение таинств и треб. Священник не мог отказать в этом обратившемуся к нему человеку, в том числе и коллаборанту. Поэтому священники отпевали не только мирное население, но и полицейских. Так, летом 1943 г. отец Николай Гуринович хоронил полицейских, что позднее стало одним из пунктов обвинения его в пособничестве оккупационным властям.

Коллаборационисты стремились привлекать приходское духовенство к своей деятельности. БНС в 1943 г. добились от Генерального комиссариата Беларуси, чтобы все добровольные комитеты, которые создавались практически при каждом храме, могли существовать только как филиалы БНС. От приходских священников стали требовать ежемесячные отчеты о благотворительной и гуманитарной деятельности приходов²⁷.

А 22 марта 1943 г. главный председатель БНС направил официальное письмо на имя архиепископа Филофея (Нарко) о том, что детский сектор БНС готовится к проведению сборов на Пасху для детских домов и детских садов, которые находятся в Минске (общее число детей около 1390 человек). «Ставячы за гэту азнаямленне дзяцей з рэлігійна-нацыянальным зместам свята, дзіцячы сектар БНС хоча забяспечыць усе дзіцячыя ўстановы яйкамі, з тым каб дзеці самі, рыхтуючыся да свята, прымалі ўдзел у іх афарбоўцы, пазнаёміліся са звычаям катання яек, гульні ў біткі і г. д.», – указывалось в письме. Руководство БНС рекомендовало архиепископу Филофею направить в приходы официальное рас-

поряжение организовать сбор яиц и продуктов для детей²⁸. Приветствовалось и вступление в БНС приходского духовенства.

В зависимости от территориального расположения прихода священники контактировали с советскими партизанами. Формы коммуникации были различны: использование домов священнослужителей для хранения боеприпасов и отдыха разведгрупп, сбор информации о расположении немецких и полицейских гарнизонов, передвижении поездов по железной дороге, снабжение партизан продуктами и одеждой, медицинская помощь раненым [4, с. 34–51].

Однако несогласованность среди руководства партизанских отрядов и разведгрупп приводила к жертвам среди приходского духовенства: с 1941 по 1944 г. было убито 42 священника [4, с. 50]. До сих пор неизвестны имена всех священнослужителей, которые погибли от рук воинов Армии крайовой, «бульбовцев», «лесных братьев» и других бандформирований, которые действовали на территории оккупированной Беларуси.

По данным уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по БССР, к концу 1945 г. на территории Беларуси насчитывалось 556 священников, больше всего их было в западном регионе страны (Барановичская и Брестская области). По неполным данным, в первые послевоенные годы в освобожденной Беларуси было репрессировано 148 священнослужителей [2; 3] из 556 [4, с. 30].

Таким образом, в крайне неблагоприятных условиях нацистской оккупации происходил количественный прирост православного приходского духовенства, возрождение приходской жизни. Были воссозданы благочиния в восточной Беларуси. В этом регионе к июню 1941 г. церковная структура была уничтожена, а большинство духовенства репрессировано. В период оккупации в Беларуси действовало 1044 храма, в большинстве из них были назначены священники. Приходское духовенство на короткое время стало играть заметную роль в обществе. Священники вновь стали вести метрические книги, проводить катехизаторскую работу и осуществлять пастырское служение в разрешенных властями рамках. Приходское духовенство было посредником в коммуникации мирного населения с оккупационными властями, белорусской коллаборацией и антинацистским сопротивлением.

Библиографические ссылки

1. Нечаев ПИ. *Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав*. Ростовский АП, редактор. 12-е издание. Петроград: Типография П. П. Сойкина; 1915. 236 с.
2. Маракоў ЛУ. *Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнныя і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967. Том 1*. Мінск: Беларускі Экзархат; 2007. 460 с.

²⁷НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 386. Л. 18.

²⁸Там же. Ф. 384. Оп. 1. Д. 177. Л. 7.

3. Маракоў ЛУ. *Рэпрэсаваныя праваслаўныя свяшчэнны- і царкоўнаслужыцелі Беларусі. 1917–1967. Том 2.* Мінск: Беларускі Экзархат; 2007. 656 с.
4. Силова СВ. *Крестный путь: Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг.* Минск: Белорусский Экзархат; 2005. 89 с.
5. Кривонос Ф. *Многи скорби праведным.* Минск: Приход Свято-Петро-Павловского собора; 2011. 36 с.
6. Кривонос Ф. «Но печаль ваша в радость будет» (Ин. 16:20). *Возрождение церковной жизни в Восточной Белоруссии в начальный период немецкой оккупации (вторая половина 1941 года).* Жировичи: Издательство Минской духовной семинарии; 2013. 64 с.
7. Гори́довец В. Церковная жизнь на территории Полоцко-Витебской епархии в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. В: Воробьев В, редактор. *XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; 9–11 октября 2008 г.; Москва, Россия. Том 1.* Москва: Издательство ПЕТГУ; 2009. с. 307–311.
8. Баслык Е. *Записки священника Евстафия.* Минск: Лучи Софии; 2005. 245 с.
9. Баслык ЕК. *Многи скорби праведным. Под Польшей, Германией и Советским Союзом.* Минск: В. П. Ильин; 2014. 384 с.

References

1. Nechaev PI. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya svyashchennosluzhitelei, ili Sistematicheskoe izlozhenie polnogo kruga ikh obyazannostei i prav.* [Practical guidance for clerics, or The systematic presentation of their full range of duties and rights]. Rostovskii AP, editor. 12th edition. Petrograd: Tipografiya P. P. Soikina; 1915. 23 p. Russian.
2. Marakow LU. *Rjeprjesavanyja pravaslawnyya svjashchjenna- i carkownasluzhyceli Belarusi 1917–1967. Tom 1* [Repressed Orthodox clergymen and clergymen of Belarus 1917–1967. Volume 1]. Minsk: Belaruski Jekzarhat; 2007. 460 p. Belarusian.
3. Marakow LU. *Rjeprjesavanyja pravaslawnyya svjashchjenna- i carkownasluzhyceli Belarusi 1917–1967. Tom 2* [Repressed Orthodox clergymen and clergymen of Belarus 1917–1967. Volume 2]. Minsk: Belaruski Jekzarhat; 2007. 656 p. Belarusian.
4. Silova SV. *Krestnyi put': Belorusskaya pravoslavnaya tserkov' v period nemetskoi okkupatsii 1941–1944 gg.* [Way of the Cross Belarusian Orthodox Church during the German occupation of 1941–1944]. Minsk: Belaruskii Jekzarhat; 2005. 89 p. Russian.
5. Krivonos F. *Mnogi skorbi pravednym* [Many sorrows are righteous]. Minsk: Prikhod Svyato-Petro-Pavlovskogo sobora; 2011. 36 p. Russian.
6. Krivonos F. «No pechal' vasha v radost' budet» (In. 16:20). *Vozrozhdenie tserkovnoi zhizni v Vostochnoi Belorussii v nachal'nyi period nemetskoi okkupatsii (vtoraya polovina 1941 goda)* [«But your sorrow is a joy» (John 16:20). The revival of church life in Eastern Belarus during the initial period of the German occupation (second half of 1941)]. Zhirovichi: Izdatel'stvo Minskoi dukhovnoi seminarii; 2013. 64 p. Russian.
7. Goridovec V. [Church life on the territory of the Polotsk-Vitebsk diocese during the German occupation of 1941–1944]. In: Vorab'ev V, editor. *XIX ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta; 9–11 oktyabrya 2008 g.; Moskva, Rossiya. Tom 1* [19th annual theological conference of the Saint Tikhon's Orthodox University; 9–11 October 2008; Moscow, Russia. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Saint Tikhon's Orthodox University; 2009. p. 307–311. Russian.
8. Baslyk E. *Zapiski svjashhennika Evstafiya* [Notes priest Eustache]. Minsk: Luchi Sofii; 2005. 245 p. Russian.
9. Baslyk EK. *Mnogi skorbi pravednym. Pod Pol'shei, Germaniei i Sovetskim Soyuzom* [Many sorrows are righteous. Under Poland, Germany and the Soviet Union]. Minsk: V. P. Il'in; 2014. 384 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.06.2019.
Received by editorial board 23.06.2019.